

Обезьяна в нокауте! Новая победа отечественной философии...

Л.Б. Вишняцкий

Происхождение человека – тема, затрагивающая каждого, и не удивительно, что тот интерес, который она вызывает, пытаются использовать в своих целях разного рода шарлатаны, специализирующиеся на оболванивании сограждан. Не удивительно и то, что им это превосходно удается, ибо значительная часть сограждан желает быть оболваненной. Ну, просто скучно людям происходить от обезьяны! Старо, немодно. Гораздо современной и увлекательней происходить, скажем, от дельфинов, или, еще лучше, от инопланетных пришельцев либо атлантов. Спрос на таких предков, как и на прочие чудеса, растет, а вместе с ним, естественно, растет и армия готовых удовлетворить его «потомственных экстрасенсов», «дипломированных магов», непризнанных «гениев», гонимых «ортодоксальной наукой», и прочих достойных личностей с «третьим глазом» на затылке или ниже. Они заполнили страницы бульварных изданий, телеэфир и Интернет. «Хотите атлантов? Пришельцев? Дельфинов? Да хоть тараканов! Их есть у меня!»

Нужно ли пытаться этому противостоять? Безусловно, нужно, например, писать научно-популярные книги, которых в нашей стране сейчас издается отчаянно мало.

Можно ли победить в этом противостоянии? Конечно, нет, ибо глупость неискоренима, и предприятия по производству лапши для ушей никогда не останутся без рынков сбыта.

Должны ли ученые непременно стараться разоблачать все «сенсационные открытия», «разгадки тайн» и прочие свершения «трехглазых»? Не думаю. Во-первых, это в основном однодневки, не привлекающие почти ничего внимания, а во-вторых, если откликаться на все, а не только на наиболее вопиющие, «резонансные» фальшивки, то времени ни на что другое просто не останется. Всех нищих, как говорится, не пересвищешь.

Совсем другое дело, когда откровенно антинаучная галиматья попадает на страницы научных изданий. Подобные случаи, разумеется, оставлять без внимания нельзя. Бывает такое пока, правда, нечасто, но все же бывает. Очередной раз я убедился в этом, открыв 96-й номер «Известий Российского государственного педагогического университета им. Герцена» (серия «Общественные и гуманитарные науки») и прочтя опубликованную там статью В.В. Тена «О философско-методологических основах теории антропогенеза». Начинать я чтение, не подозревая подвоха, поскольку ни о В.В. Тене, ни о его творчестве на тот момент ничего не знал. Это уж потом, пошарив в Интернете, мне удалось установить, что автор поразившей меня статьи, оказывается, 5 лет назад уже опубликовал книгу на ту же тему (в «издательстве В. Тена»), где поведал миру, что люди произошли от неких полуводных существ, приходившихся родней дельфинам. Особенно меня впечатлило, что издатель (он же автор) анонсировал означенное произведение как «одну из самых новаторских и неожиданных книг столетия», ни больше, ни меньше. Ну, а в настоящее время он занят изучением «ведической культуры ариев-индославов».

Поначалу, однако, все выглядело очень даже респектабельно. Журнал уведомлял читателей, что публикуемая работа была «представлена кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета», и что представил ее лично «научный руководитель – доктор философских наук, профессор Г.Ф. Сунягин». Ободренный столь авторитетным поручительством, приступаю к чтению... Эх, лучше бы я этого не делал!

Для начала, автор уведомляет почтеннейшую публику, что теория происхождения человека от обезьяны, т.е. симиальная теория (он ее именует «симиально-трудовой») «переживает затянувшийся кризис, заставивший ее сторонников изменить тональность высказываний, которые приобретают все более обтекаемые и все менее определенные формы» (с. 139). Имен «отступников» он, правда, не называет и ни одной ссылки на их

труды не дает, а вступает вместо этого в полемику с неким воображаемым оппонентом, противостоящим новым веяниям в науке. Оппонент этот, хоть и безымянный, но очень хитрый и изворотливый. Он, змей, вон чего придумал: «Мы, – говорит - не утверждаем, будто человек произошел от обезьяны, мы считаем, что у обезьяны и человека был общий предок». Во как! Скользкий, гад... Но не тут-то было, нашего философа-методолога на козе не объедешь. «А кем же был этот общий предок сапиенсов и антропоидов, – понгидом или гоминидом?» - строго спрашивает он у вконец растерявшегося сторонника «переживающей затянувшийся кризис» теории. И безжалостно добивает мямлящего что-то себе под нос «симбиалиста»: «Если первым, то тезис, взятый в кавычки, представляет собой лукавый перифраз. Если вторым, то встает новый вопрос: кем являлся предок гоминида, давшего начало линиям сапиенсов и человекообразных обезьян? Где его искать?» (с. 139).

И в самом деле, где? Где искать участников процесса превращения обезьяны в человека? Кого ни возьми – неандертальца ли, питекантропа, или хоть австралопитека – у всех у них, как выясняется, анкета подпорчена, поскольку «относительно всех перечисленных ископаемых гоминид возникали обоснованные сомнения у современников этих открытий» (с. 139). Возразить на это нечего. Действительно, возникали. А раз возникали, то, ясное дело, в предки их брать никак нельзя: неблагонадежные они. Современники-то зря не скажут, дыма без огня не бывает. Кстати, к открытиям Галилея и Коперника у современников тоже, помнится, были кое-какие претензии, не сдать ли и их в архив заодно с австралопитеками?

Вооружившись своим поистине новаторским методологическим принципом («были сомнения – занести навечно в черный список»), Тен играючи очищает родословную человечества от нежелательных элементов. Начинает он с неандертальцев. «Неандертальцу диагноз поставил крупнейший немецкий патологоанатом профессор Р. Вирхов, который заявил, что найден не предок людей, а скелет уроды, демонстрирующий классическую картину завершеного патогенеза по типу рахита. Впоследствии выяснилось, что ученый (при жизни высмеянный и окарикатуренный) был абсолютно прав; ныне никто не причисляет неандертальцев к числу наших возможных предков» (с. 139). Вот он, звериный оскал эволюционизма! Задразнили бяки-дарвинисты правдолюбца Вирхова, а он-то как в воду глядел, оказывается! Впрочем, тут надо уточнить: в чем именно прав Вирхов? В том, что в Неандертале был найден «скелет уроды»? Но это не так, и никто это мнение давно уже не разделяет. Такие же скелеты и разрозненные кости были обнаружены еще на десятках археологических памятников конца среднего и первой половины верхнего плейстоцена. Ну, а что касается утверждения, что «ныне никто не причисляет неандертальцев к числу наших возможных предков», то можно назвать множество исследователей, которые продолжают отстаивать в той или иной форме гипотезу «неандертальской фазы» в эволюции *Homo sapiens*, и еще больше тех, кто допускает частичное смешение этих двух форм человека. И те, и другие, разумеется, могут ошибаться, но неандертальцы в любом случае остаются полноправными членами семейства гоминид и, если не нашими прямыми предками, то уж, во всяком случае, близкими родственниками – «сестринским видом».¹

Следующая жертва Тена – питекантропы. «Питекантропов – ликует он – «развенчал» автор этого «открытия» Дюбуа, который имел мужество тем самым перечеркнуть труд всей своей жизни» (с. 139). Спрашивается: что значит «развенчал»? Да, Дюбуа, устав убеждать скептиков (первым среди которых, кстати, был все тот же Вирхов) в значении своего открытия (без всяких кавычек!), сначала на 20 лет спрятал от коллег найденные им в конце 19 в. на Яве кости, а потом, когда все, наконец, признали его правоту, взял да и заявил, что нашел, дескать, вовсе не одного из ископаемых предков

¹ Подробней об этом см. напр.: Вишняцкий Л.Б. Неандертальцы: какими они были и почему их не стало // Stratum plus, 2010, №1: 25-95.

человека, а всего лишь гигантского гиббона. Ну и что? Неужели из этого следует, что обнаруженные с тех пор в Африке и Восточной Азии останки десятков других питекантропов (в научной литературе этот термин сейчас почти не употребляется, а тех, кого раньше так называли, зачисляют в вид *Homo erectus*)² – это на самом деле гиббоны? И что все без исключения исследователи, изучавшие после Дюбуа эти останки, – безграмотные дилетанты, ничего не смыслящие в ископаемых костях? Выходит, что так. Первооткрыватель сказал, и точка. Прения считать законченными, всем спасибо, все свободны.

Аналогичным образом обстоит дело и с австралопитеками. Луис Лики, видите ли, тоже «отрекся» от них «уже после того, как весь мир увенчал его славой первооткрывателя предков человечества. Археологи выделили «олдувайскую» культуру как первую в истории, связав ее с открытым Л. Лики *Homo habilis* («человек умелый»), но ученый не принял такой чести и умер, заявив, что открытые им австралопитеки предками людей быть не могут» (с. 139-140). Здесь, должен признаться, я ухватить мысль автора не в состоянии. Слишком уж много австралопитеков и габилисов намешано в одном предложении, и совершенно непонятно, кого из них и за что невзлюбил Л. Лики, какой именно чести он не принял, и как этот факт его биографии влияет на современное положение дел в изучении эволюции человека. Замечу все же, что открыл австралопитеков вовсе не Лики, а Р. Дарт в 1924 г., да и заслуга выделения *Homo habilis* тоже принадлежит в большей степени Ф. Тобайасу, который распознал в откопанных Лики костях новый вид. Австралопитеков же выделяют сейчас до восьми видов (существует мнение, что и габилиса следовало бы перевести из рода *Homo* в род *Australopithecus*), и среди этих видов есть несколько кандидатов в наши родоначальники.³ Вполне возможно, что в будущем появятся еще более достойные претенденты на эту роль – либо в лице какого-то неопisanного пока вида австралопитеков, либо в лице представителей другого рода гоминид (например, кениантропа).

Однако читаем дальше. А дальше, разумеется, следуют рассуждения о «недостающем звене». В нашем случае это совершенно неизбежно, поскольку все, кто не согласен происходить от обезьяны, требуют, чтобы им непременно представили в качестве доказательства не устраивающего их родства это самое «звено». И тут ученые пасуют. Не могут они понять, чего, собственно, от них хотят. Вроде, столько уже звеньев понаходили, что девать некуда, ан, нет, все не то. Самого-то недостающего, говорят им, и не нашли – такого, чтобы глянул, и все сомнения отпали даже у самых заядлых скептиков. Как такое «звено» должно выглядеть? А вот как: это должен быть гоминид, «в котором количество обезьяньих и человеческих черт было бы примерно равным» (с. 140). То есть, я так понимаю, требуется найти такого, чтобы он ходил на трех ногах и был с одного бока мохнатым, а с другого безволосым. Желательно также, чтобы у него было 47 хромосом. М-да, нелегкие задачи ставит перед нами философская общественность, придется попотеть...

А вот и еще одна «проблема»: оказывается, «на фоне массовости находок костных останков выявилась более чем странная с эволюционной точки зрения закономерность: среди наиболее древних гоминид (которым 5–6 млн лет) нет непрямых (сахелантроп, кениантроп плосколицый), а те, что хронологически ближе к нам, – брахиаторы⁴, включая «человека умелого», жившего 2,8 млн лет назад» (с. 140). Откуда что берется!? И что тут возразишь? Что останки кениантропа имеют возраст вовсе не 5-6

² Antón S.C. Natural history of *Homo erectus* // Yearbook of Physical Anthropology, 2003, 46: 126-170.

³ Наиболее свежие и информативные обзоры: Ackermann R.R. & R.J. Smith. The macroevolution of our ancient lineage: What we know (or think we know) about early hominin diversity // Evolutionary Biology, 2007, 34: 72-85; Kimbel W.H. The species and diversity of Australopithecus // Handbook of Paleoanthropology, vol. 3. Berlin, Springer, 2007: 1539-1573.

⁴ Брахиация - способ передвижения по деревьям, при котором тело переносится или перебрасывается с ветки на ветку с помощью верхних конечностей. Классическими брахиаторами считаются гиббоны.

млн. лет, а 3,5? Что самые древние кости «человека умелого» датируются временем порядка 2,1 или от силы 2,5 млн. лет назад (это если включить в тот же вид *Homo rudolfensis*), но никак не 2,8? Что среди гоминид по определению не может быть «непрямоходящих», поскольку прямохождение – основной анатомический критерий для включения в это семейство? Нет, такими мелочами нашего автора не смущайся. Подумаешь, оговорился человек. Все это только придирки, не снимающие поставленную проблему. Дело, однако, в том, что «проблема» просто высосана из пальца. В действительности, разумеется, ни *Homo habilis*, ни прочие из «тех, что хронологически ближе к нам», брахиаторами не были. Это совершенная нелепица. Да, на дистальных костях конечностей *Homo habilis* (как и на костях австралопитеков) сохраняются отдельные следы адаптаций к древесному образу жизни, унаследованные от миоценовых предков. Это вполне естественно, но это совсем не значит, что они вместо того, чтобы передвигаться на двух ногах, как все прочие гоминиды, раскачивались на ветвях, перелетая с дерева на дерево, подобно гиббонам. И, кстати, почему Тен решил, что таких же или еще более выраженных древесных адаптаций не было у сахельантропа с кениантропом, которых он ставит в пример габилису? Ведь оба этих рода известны только по костям черепов, а что собой представлял их посткраниальный скелет пока неизвестно! Сахельантропа вообще далеко не все специалисты признают за гоминида, сомневаясь, что он был прямоходящим.⁵ Неужели нельзя было, приступая к написанию «ученого труда», хотя бы в учебник заглянуть?

Столь же лих и предпринятый в следующем абзаце наскок на проблему филогенеза ближневосточных неандертальцев. Здесь, как и в предыдущем случае, тоже перепутано все, что можно было перепутать, а факты извращены до полной неузнаваемости. В этом регионе, судя по имеющимся сейчас данным, люди современного анатомического типа появляются раньше неандертальцев, но это совсем не значит, что, как уверяет читателя Тен, первые эволюционировали во вторых. Скорее всего, и те, и другие были в этом регионе пришельцами. Сапиенсы пришли примерно 130 тыс. лет назад из Африки (где и произошло первоначальное становление нашего вида), а неандертальцы около 70-80 тыс лет назад со своей прародины, из Европы. После их прихода сапиенсы на Ближнем Востоке исчезают как минимум на 30 тыс. лет, но затем появляются вновь, и на этот раз исчезают – причем окончательно – уже неандертальцы. И никакая «инверсия» (любимое слово Тена), никакая «инволюция» тут совершенно не при чем.

Покончив с костями, Тен берется за гены. Здесь не повезло генетикам К.Ю. Попадьюну и Л.А. Мамировой (ее Тен почему-то переименовал в Амирову), с которыми проделывается следующий трюк. Сначала дается цитата из их статьи, опубликованной в «Природе» в 2004 г., а затем читателю, ошарашенному обилием обрушившихся на него непонятных генетических терминов (журнал-то гуманитарный), сообщается, что «далее авторы статьи генетики К. Попадьюн и Л. Амирова приводят математический расчет темпов эволюции, согласно которому за 5 млн лет между человеком и шимпанзе должно было накопиться на порядок больше генетических расхождений» (с. 141). На самом деле ничего подобного в этой работе нет, она вообще на другую тему. Ее авторы всего лишь отмечают мимоходом тот широко известный факт, что геномы человека и шимпанзе различаются только на один с небольшим процент.⁶ Каким образом этот факт может свидетельствовать против «симиальной» теории – об этом знает только Тен.

А он, меж тем, уже готов подвести «промежуточные итоги» своего исследования. Итоги эти, конечно же, неутешительны для тех, кто все еще по старинке «держится за

⁵ Напр.: Wolpoff M.H. et al. An ape or *the* ape: Is the Toumaï cranium TM 266 a hominid? // *PaleoAnthropology*, 2006: 36-50.

⁶ Интересное обсуждение этой темы, а также новые данные, можно найти в работах: Varki A. & D.L. Nelson. Genomic comparisons of humans and chimpanzees // *Annual Review of Anthropology*, 2007, 36: 191-209; Taylor J. Not a chimp. The hunt to find the genes that make us human. Oxford, Oxford University Press, 2009.

обезьяну». Да и остались ли на свете такие чудачки? – сомневается Тен. Чай, в двадцать первом веке живем! «Когда речь идет о возникновении человека, трудно найти современника, считающего, что Фохт, Геккель, Дарвин и Энгельс были правы» (с. 141). «Гипотезу Фохта [т.е. что человек от обезьяны. Л.В.] можно было бы считать гениальной догадкой, если бы она впоследствии была подтверждена фактологией, но фактология «выступила» против, причем настолько, что в наши дни археологи, антропологи, генетики и палеопсихологи вообще почти не находят точек соприкосновения» (с. 141). И вообще «подход к проблеме антропогенеза «от обезьяны» можно охарактеризовать, как аксиоматический, когда ... за исходное берется некое аксиоматическое высказывание, представляющееся бесспорным на момент высказывания. В данном случае – очень спорное высказывание Фохта, будто человек произошел от обезьяны, потому что он на нее похож» (с. 141-142).

Все сметено могучим ураганом! Но зато теперь, наконец, антропологи и археологи могут перевести дух и немного расслабиться после полученной взбучки, а «рты изумления» пора открывать психологам. Они, как выясняется, в период после ухода Декарта и до пришествия Тена вообще непонятно чем занимались. Ну и, как следствие, их наука «утратила в наши дни всю свою фундаментальность, ибо психология XX в., базирующаяся на поведенческой парадигме, старательно избегала «проклятого вопроса» о возникновении и сущности сознания, фундаментального для психологии как науки» (с. 142). Горы литературы, посвященной этой теме – десятки монографий и сотни статей в специальных журналах и сборниках⁷ – очевидно, не в счет? Нет в них ничего стоящего? Или же – о страшное подозрение – наш потрясатель основ просто не подозревает об их существовании? И не знает, что бихевиоризм, с которым он так бесстрашно сражается на сс. 141 и 142 своего труда, давно уже (по меньшей мере, полвека) не является ведущей теорией в психологии?

Цитировать и комментировать разбираемую статью можно еще очень долго. В ней что ни фраза, то перл, без всякого преувеличения. Уровень осведомленности автора в антропологии и прочих науках, куда он делает вылазки, зашкаливает под плинтус, а уровень приводимой им аргументации таков, что даже далекие по роду профессиональной деятельности от изучения эволюции человека читатели «Известий РГПУ» должны были, очевидно, заподозрить, что что-то тут не так, что что-то странное приплыло в их любимый журнал по Неве с находящейся на противоположном ее берегу кафедры социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского университета. Остается только диву даваться, почему редколлегия журнала, входящего, как-никак, в список ВАК, а значит рецензируемого, это «что-то» проглотила и решила опубликовать текст, который не имеет абсолютно никакого отношения ни к науке, ни даже к философии.

Увы, «свободами мнений» и «плюрализмами» тут не прикроешься, эти универсальные «отмазки» в данном случае, ну, никак не проходят. Безусловно, подвергать сомнению можно и нужно любую теорию, иначе развитие науки просто остановится. Однако реализация этого «можно» имеет смысл лишь при соблюдении нескольких «нельзя»:

Нельзя не знать «матчасть», т.е. быть невеждой в той области науки, где ты вознамерился сказать новое слово. Нельзя извращать факты, «высасывать» их из пальца, т.е., попросту говоря, лгать. Нельзя приписывать цитируемым авторам то, чего в их работах нет.

Ну, а вообще, конечно, да здравствует плюрализм!..

⁷ Вот «навскидку» несколько недавних интересных книг: Зорина З.А. и А.А. Смирнова. О чем рассказали говорящие обезьяны. М., Языки славянских культур, 2006; Разумное поведение и язык. М., Языки славянских культур, 2008; The evolution of mind: Fundamental questions and controversies. New York, Guilford Press, 2007; Mind the gap. Berlin, Springer, 2010.

